

Вид Театра Советской (теперь — Российской) Армии вызывает ностальгические чувства у каждого лояльного гражданина бывшего СССР. Его здание — от огромных подвалов до флагштока, на котором когда-то, словно над сельсоветом, реял флаг, — каменный панегирит сталинской империи: 12 этажей, 100-метровый пролет сцены, люки, способные поднять танк, особая ложа для военного командования, у которой некогда был свой комендант...

Совсем недавно этот дом-крепость оставлял ощущение помпезной, но нелепости избыточной мощи (зачем театру шестиметровые у основания стены?), а ныне он состарился, одряблел, нуждается в ремонте. Здесь некогда: нечистая сила, по слухам, давно облюбовавшая ЦАТСА (старые театралы поговаривают, что в этом здании, выстроенном в форме огромной звезды, каждый год находят новую комнату), ныне совсем отбилась от рук и действует не так. Бывшего главного режиссера театра Л.Хейфеца избили неизвестные. Не так давно во время репетиции спектакля покончил с собой актер...

Можно, конечно, сказать, что в самом статусе армейского театра, театра для военных, которым руководят военные, есть нечто нездоровое; скептик, пожалуй, добавит, что до такой ситуации не додумался бы и Оруэлл. Но для советской сцены она была нормальной: у нас все театры находились под жестким, почти военным контролем: МХАТ опекали чиновники в лиджаках, ЦАТСА — в мундирах с погонами...

Но речь сейчас идет не о ставших классикой советской сцены спектаклях Алексея Дмитриевича Попова, первого главного режиссера ЦАТСА, не о его блестящих актерах — из них сегодня остался лишь В.Зельдин. Интересно сама судьба театра, все главные режиссеры которого простились с ним не по-доброму. Аллегории всегда хромают, но ЦАТСА, с его огромным зданием, большой расстреливаемой труппой, и тяготеющей, и дорожающей куском хлеба, который дает театру Минобороны, кажется олицетворением постсоветской сцены. Но плоть от плоти тех московских театров, что даже на премьеру собирают от силы ползага, где труппа давно махнула рукой на все, а на себя — в первую очередь...

Так уж странно жила вся наша страна. Заводы, которым давно пора было обанкротиться, продолжали работать; ученые, у которых не было ни одной собственной мысли, защищали докторские; посредственные писатели издавались и переводились. А театры, где давно исчез дух творчества, по-прежнему выпускали спектакли: ведь все затраты брало на себя государство. Но наступило время, когда посредственные (хотя, увы, и не только такие) товарищи, спектакли и книги стали никому не нужны — для тех, кто их создавал, это обернулось настоящей трагедией.

Не стал исключением и Театр Армии.

Летописль ЦАТСА — история сдвинутых актерами «первачами» главных режиссеров. Уволенный ГлавПУРом А.Д.Попов, А.А.Дунаев, А.А.Попов, Ю.А.Еремин, Л.Е.Хейфец... Поневолье кажется, что последние 20 лет ЦАТСА владело подпольным стремлением к гибели — так последовательно выжились отсюда режиссеры, порой очень хорошие. Но у этого есть и другая сторона — в театр приходил новый талант, выпускал несколько ярких спектаклей, а потом

начинал работать все менее интересно. Те в труппе, кто считал себя хозяевами театра, пытались поднять его под себя, мелочная опека ГлавПУРа в такой ситуации начинала казаться особенно невыносимой, и человек уходил — по-доброму или же по-плохому.

Юрий Еремин пришел в ЦАТСА в середине восьмидесятых и сразу поставил два отличных спектакля: «Старик» и «Счастье мое» — о них немедленно заговорили

последних на судьбу театра случилось оказывать решающее влияние артистам, наиболее близким сердцу ПУРовского генералитета. Но жертвами этого в первую очередь были сами актеры — режиссеры уходили так же легко, как и приходили, а они, всю жизнь проработавшие на этой сцене, были с ней кровно связаны. Великолепный В.Зельдин, в свои восемьдесят лет дающий фору любому молодому артисту, верный рыцарь лучших традиций ЦАТСА и враг театральных интриг... Г.Крыкин, в молодости отливший характерный артист, переживший великое множество военных и штатских начальников и навсегда вжившийся в амплуа генерала — директора — председателя колхоза... Л.Касаткина, и на сцене,

собирается весь цвет «голубой» и «розовой» тусовки.

В ЦАТСА открылся мебельный салон, помещения в театре арендовали многие другие фирмы... И у одной из них родилась блестящая идея — а почему бы не использовать это уникальное здание под развлекательный центр с рестораном, ночным шоу и казино? Назвать его можно было бы «Армада» — как указание на армейскую специфику. Театр требовалось на некоторое время закрыть, подремонтировать, переоборудовать — и после этого он прекратил бы свое существование в качестве полноценной драматической сцены...

Письмо с просьбой не чинить препятствий этому благородному делу подписал ряд ведущих артист-

Сцена оборонного значения

Непарадный портрет Театра Российской Армии

ГЛПУР. — 1995. — 6 апр. — 75.

вся театральная Москва. Затем вышли «Часы без стрелок», «Идиот» — они продолжали собирать публику, имели неплохую прессу, но в то же время всем стало ясно, что вытянуть театр режиссеру не удастся. Ни один из его последующих спектаклей не стал по-настоящему большим событием, с каждой новой своей премьерой ЦАТСА Ю.Еремина все больше смещался на периферию театральной жизни Москвы.

Театр Армии слишком долго находился во втором ряду. За эти годы его актеры обросли штампами, внутренне потускнели и смирились со своей участью. В ЦАТСА оставалось несколько отличных артистов, но большинство добровольно отработывало свою зарплату, и если кто-то мог взять три ноты, то четвертая была ему уже ни к чему. В такой ситуации надо на кого-то обидеться. Можно пенять на себя, можно на судьбу, но удобней — на главного режиссера. Ю.Еремин не стал тратить время и нервы на внутри-театральные дразги и ушел в Театр Пушкина, где успешно работает и по сей день.

Л.Хейфец пришел в театр и выступил пользовавшегося огромным успехом «Павла!». Потом были другие спектакли, вполне достойные, но все менее интересные: профессионализм Хейфеца, режиссера очень высокой театральной культуры, тускнел с каждой новой работой. Не помог даже «На бойком месте», мюзикл по пьесе Островского: вокал и пластика исполнителей оказались не на высоте, спектакль получился тяжеловатым и неровным.

Театру Армии не помогли бы ни Станиславский, ни Мейерхольд: они были хозяевами на своей сцене, а ЦАТСА всю его историю руководили назначаемые ГлавПУРом полковники. Через годовую

и в жизни верная роли гранды, хозяйки всего, что находится вокруг (в том числе и театра)... Н.Сазонова, В.Сошальский, Н.Михайлюкин — хорошие артисты, отдавшие театру всю жизнь, занимающие в нем видное положение, чувствующие себя олицетворением его традиций... Актеры среднего поколения, потратившие на ЦАТСА молодость, основательно переживавшие спектаклю на военно-патриотическую тему и не получившие взамен ничего... Здесь был их дом, и уходить им было некуда.

К тому же атмосфера в ЦАТСА была замечательной! Здесь было главных, но в остальном было тепло и уютно. Склок и раздоров, раздражающих другие труппы, в ЦАТСА не было и в помине; каждый человек в театре знал свое место и не трогал никого, пока его не трогали. Здесь было тихо — и это хоть в мало-мальской степени компенсировало то, что ни один из актеров театра Армии за последние двадцать лет не приобрел сколько-нибудь широкой известности. Исключением стал начинавший на этой сцене Олег Меньшиков, но, оставшись на поле своих кинематографических успехов в ЦАТСА, его судьба, вероятно, была бы иной.

В Москве немало театров, находящихся в многолетнем кризисе: Ермоловский, Гоголя, Киноактера... Каждый из них нечасто по-своему, но нечто общее между ними все-таки есть: их помещения — лакомый кусок для стремящихся свить гнездышко в центре Москвы фирм и фирмочек. Пример показал театр Киноактера — сначала коммерсант арендовал часть здания, затем взял на содержание труппу, потом устроил в театре биржу. Сейчас кинематографический театр славы дискотекой «Премьер», более известной как клуб сексуальных меньшинств — после одиннадцати вечера здесь

тов труппы, среди которых были и те, чье слово в советские времена на этой сцене было законом. С этим прошением они отправились в Минобороны — в обход главного режиссера, коллег, даже тех, кто курирует в военном ведомстве учреждение культуры. Бумага была вручена пресс-секретарю министра Грачева. К счастью, ей не дали хода, но вслед за этим неизвестные избили Л.Хейфеца и запретили ему появляться в театре. Паразмыслив, он написал заявление об уходе, и сейчас Центральный академический театр Российской Армии вновь ищет главного режиссера.

Быть может, на его сцене еще появятся интересные спектакли, напоминающие об успехе «Святая святых», «Старика», «Павла!»... Но в целом судьба театра особого оптимизма не вызывает. Может ли в нынешнее смутное время выжить коллектив без единой художественной идеи, без обладающей всей полнотой власти главного режиссера, с разнородной, изувечившейся во всем труппой, где лишь В.Зельдин искренне верит в то, что Театр Армии и армия по-прежнему нужны друг другу? Это может произойти только за счет мощной финансовой подпитки, а Грачев вряд ли будет без конца ремонтировать то, что с таким размахом построил Ворошилов. Значит, снова потребуются инвесторы со стороны, а им наверняка захочется урвать от огромного здания кусок пожирнее...

Но мне в этой ситуации совершенно ясно: театр, даже переживающий не лучшие времена, не должен превращаться в бордель, кабак или мебельный склад. Ведь и человек со своей собственной природой расцветает куда как легко, а вот обратная метаморфоза обычно более затруднительна.

Да и практической пользы это, как известно, приносит немного.

Алексей ФИЛИППОВ.